СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Владислав Тихонов

Потребитель

Владислав Георгиевич Тихонов

Потребитель

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28740984
SelfPub; 2018

Аннотация

О человеке, который хотел слишком много всего и сразу. В качестве обложки использована картина Питера Брейгеля Старшего "Триумф Смерти". Содержит нецензурную брань.

«… час леденящего холода, час , когда я замерзаю и цепенею, час, вопрошающий неустанно: «Чьё сердце способно вместить это?…»
Фридрих Ницще.

Пустота – это место, где духи отдыхают.
Иоганн Эспенлауб.

Всё, что было у Коли Жудова, запросто умещалось в старый голубенький чемодан с выцветшими наклейками на ободранных боках. Чемодан стоял под шаткой кроватью в комнате общежития при медучилище им. Бехтерева. Помимо Коли, в комнате обитало ещё четыре человека – малоосмысленные пьяницы и дебоширы, готовящиеся стать фельдшерами. Коля был здесь самым грамотным и интеллигентным. Он знал, что Достоевский – великий русский писатель, что Библию наспор написал Лев Толстой и что мясо полезнее и питательнее сои.

Юродивое Колино жизнелюбие сильно бесило его мрачных, спьяну вечно погружённых в себя соседей по комнате.

– Интеллигентностью в наши дни никого не обманешь… – говорили они, порыгивая над пивом после плановой экскурсии в морг. – Интеллигентность – это одна абстрактная видимость, за которой скрывается обычный смрадный холоп или жульничающий хам.

В ответ Коля гордо и сильно плевал на пол и, хлопнув дверью, исчезал.

– Они говорят: «тот, кто ни холоден, ни горяч», а я говорю: «тот, кто сам за себя…» – целеустремлённо бормотал он, двигаясь по улице.

Единственным Колиным другом был Павел Смертушинов, живший в уютном полуразвалившемся домике за скотобойнями. Домик достался ему по наследству от сумасшедшей прабабки. Под протекающей кровлей прабабкиного домика Смертушинов читал умные книги об общей бессмысленности вселенского бытия и практиковал чёрно-городскую магию. А в свободное время работал бухгалтером в проектном институте.

К нему-то обычно и направлялся Коля после стычек с непонятливыми соседями.

– Мы живём в необыкновенно пустое время. И прикол даже не в том, что наше время пустое, а в том, что и наполнить-то его ничем не удаётся, как ни старайся. Всё, что мы пытаемся вложить в него, тут же исчезает, не оставляя ни следов, ни вибраций, ни возмущения атмосфер – словом, ничего. Как же так? Разве так должно быть? Ведь раньше всё иначе было: от других-то времён что-то же осталось! А от нашего – что ж, ничего не останется? Но ведь мы, получается, тогда тоже исчезнем! Вместе с этим временем-то! – свирепо волновался Коля, с бутылкой пива в руке прыгая по чёрной комнатке.

Павел Смертушинов слушал этот едкий вздор, делал утлое лицо и, чтобы не видеть Колиной суеты, шкодливо выворачивал глаза наизнанку.

– Ты, Жудов, неправильно дела делаешь… Умные-то и лукавые смекнули, что не время собой наполнять нужно, а себя – временем. Оно хоть и пустое, хоть и бессмысленное, но во многом весьма даже калорийное. Это давно поняли хотя бы производители рекламы и сочинители бестселлеров. Они черпают из пустоты нашего времени гораздо больше, чем ты и тебе подобные в состоянии вложить в неё. Сам Бог не смог бы поступить с этой пустотой лучше. Учись!

– Но как?! Как? Нету у меня такого таланта: пустотой питаться! Научи, Смертушинов! Научи, родной! Очень хочу сам наполниться, раз уж время наполнить нельзя.

Смертушинов отвратительно смеялся при этих Колиных словах. Колюче, ржаво смеялся, будто оборотень на своей последней осенней свадьбе. И без того чёрный, домик его темнел, обострялся мрачными углами, оглушал резким подвальным запахом.

– Ишь ты, «научи»! А взамен что дашь? Даже Христос за так никого ничему не учил.

– Да что же я тебе могу дать? Душу, что ли, свою? Да ведь ты не Христос.

– Ну, почём тебе знать… Душа мне твоя даром не нужна, проку-то в ней. А вот половину той пустоты, что ты сумеешь у времени присвоить, возьму с радостью.

– Как, целую половину? Зачем половину? Я этак и сам не наполнюсь совсем… Может, что другое возьмёшь, а?

– Только так. Фифти-фифти. За что другое я тебя учить не буду. Такой вот чейнч: я даю тебе силу наживать, а ты мне – половину того, что наживёшь.

* * *

Поздним вечером уходил Коля от Смертушинова. Брёл мимо скотобойни, стараясь услышать в предсмертных стонах коров и агоническом визге свиней музыку судьбы. Впереди полыхало дурное электрическое зарево, гремели трамваи, рычали и жужжали автомобили. Вокруг пили пиво, мочились под фонари, истерично матерились и били друг другу морды. Разлетались по сторонам тёмные искры бутылок, крови, мочи… Весело и мерзко. Злоба, Цинизм и Тоска ради хохмы нарядились в клетчатые шутовские костюмы и пустились в тупо-оголтелый хоровод.

Разноцветными вениками хлестали тёмное небо салюты в честь какого-то непонятного Жудову праздника. Вечер гремел, ревел и муторно бултыхался. Усиленная плохой аппаратурой плохая музыка оглушала и терзала всепроникающим дешёвым богохульством. От всего этого страшно и неуютно делалось жудовскому юродивому оптимизму. «Уж лучше бы война, – думал он, – на войне присутствует хотя бы внешняя видимость какого-то смысла: уж убьют – так понятно почему, во имя каких-то там высоких идей, а не просто потому

что люди бессмысленные и бесноватые скоты».

Но сегодня оптимиста Жудова никто не убил, и он добрался до дому без единой царапины. Один раз, правда, прицепились какие-то нетрезвые лица кавказской национальности, потребовали закурить. Узнав, что Жудов не курит, хачики обозвали его гандоном ебаным, но резать почему-то не стали, а вместо этого ушли в погоню за одинокой пьяной малолеткой. Бесформенные ночные облака лениво текли над крышами плотным драповым потоком – жарко и тяжело делалось земле от их драконьего дыхания.

Время давно перепрыгнуло через полночь, когда растревоженный Жудов лёг в свою кровать. Храпели и матерно каркали во сне соседи, скрипели от жары карагачи за окном. Коля ворочался и сопел на грязной простыне, пытаясь поймать за хвост убегающий сон, но скользкий хвост не давался. Смертушиновское предложение зависло в Колиных мозгах свинцовым грузилом – какой уж тут сон. Несколько раз Коля вставал с постели, пил из чайника невкусную воду, смотрел на спящих соседей. «Вот бы их зарезать сейчас всех, пока спят. Надо бы это сделать, непременно надо. Они ведь не умеют радоваться жизни – тяжёлые, склочные люди. Им нужны только праздники с фейерверками. Ни к чему таким жить… Они, когда проснутся, с похмелюги сами могут запросто меня зарезать. Я им не нравлюсь. Я для них непостижим»…

Коля щурился в прокуренной полутемноте на стоящий

у двери стол. Застеленную газетами корявую столешницу освещал дряблый чайный свет, сочащийся из коридора в дверную щель. Среди хлебных огрызков, яичной скорлупы и пивных бутылок лежал столовый нож. Лезвие его, почти съеденное многолетней заточкой, выделялось на белой скорлупе, будто дохлая чёрная рыба. Этот нож совсем не годен был для зарезывания человеков, даже спящих, но помечтать было всё равно приятно.

Несмотря ни на что, в комнате мирно пахло перегаром, полупереваренным луком и нестиранными трусами. Тихие предрасветные демоны спокойно кружили под потолком. Наступали те мгновенные часы, когда спят даже гулящие кошки и домовые. Жара сменилась вкрадчивой уютной полупрохладцей. Жудов почувствовал, как сон, наконец, перестал убегать и от него. Приятно зазёвываясь, тяжёлой пиявкой прильнул Коля к своему матрацу. Через секунду осторожненькое его посвистывание смешалось с разноголосым храпом соседей.

Все дети безумия спали и не могли сейчас вредить ни себе, ни другим. Мысли их превратились в скрюченные гниющие трупики и уныло пугали лишь самих себя. Хвала вам, спокойные предутренние часы…

* * *

В эти спокойные предутренние часы Павел Смертушинов тихо полз домой.

Мимо серых стен, мимо чёрных арочных пастей, мимо бледно светящихся фонарей полз гигантский невидимый червь. Кровь, которую червь выкачал за ночь из десятков безмятежно спящих людей, слабо мерцала сквозь размытую мраком плоть призрачного тела. Редкий ранний прохожий мог принять это тревожное мерцание за слабые отсветы красноватого трущобного тумана, медленно плывущего над тротуаром.

История кровавого червя началась в 1935 году, когда по приказу большого советского начальника, возводившего металлургический завод на месте уничтоженной казачьей крепости, триста вредителей, саботажников и врагов народа были взорваны динамитом в старой заброшенной шахте. Начальник посчитал взрыв эффективнее и быстрее общепринятого расстреливания. И с захоронением вредительских трупов, как рассудил старый большевик, не надо будет возиться – обрушившаяся шахта скроет их навсегда. Большого советского начальника потом самого объявили вредителем и расстреляли, но было уже поздно. Взрыв шахты пробудил тварь, о существовании которой люди и не подозревали.

Когда-то, на заре времён, царь древнего Идера Кенаур Счастливый убил на этом месте Бога Теней Глара. Бесцветная кровь Глара напитала собой землю и камни, проникла вглубь материального мира, дав начало великой печали. Бесчисленные маленькие эманации инфернальных сил природы, привлечённые потусторонним излучением, миллионы

лет стекались сюда. Здесь они кормили и поддерживали друг друга, наделяя себя стремлением существовать. Кровь забытого Бога объединила их в нерушимое целое. Получилось нечто, не принадлежащее к этому миру, но достаточно плотное и хищное, чтобы жить в нём, скитаясь по невидимым людям закоулкам. Окончательно пробудил странную сущность роковой взрыв шахты в 1935 году. Ставшая могилой для трёхсот невинных людей, шахта в то же время явилась колыбелью непотребной сверхъестественной твари. Для всех живущих на Земле пробудившийся Червь (название, более других подходящее сей сущности) был несомненным злом. Он питался кровью и мыслями, он мог стать всем и ничем, он был неуничтожим и недосягаем. Грани нашего мира преломились в забытой шахте, наткнувшись на каменную реальность забытого.

Так и существовало это апокалиптическое полуничто, разрушая и пожирая людей, которые, ничего не подозревая, умирали от всяких противных болезней и других «естственных причин», суетливо думая, что так и надо. Тварь жирела и росла, набиралась сил и наглости среди проклятых костей несчастных «врагов народа». Тонкое, свирепое сверхчутьё твари ловило малейшее колебание мира, внешнее или внутреннее, все вибрации каждого существа на много-много вёрст вокруг.

Червь знал о живуших в городе всё. Кто родился и кто умер, кто болен, а кто пышет здоровьем, кто обрёл в смер-

ти покой, а кто обречён маяться дальше – знал все печали и радости жирного куска, именуемого человечеством. В один прекрасный момент Червю захотелось поиграть с людьми – сказалась-таки отцовская кровь, кровь забытого мрачного бога, любившего зловещие игры.

Так червь стал Павлом Смертушиновым.

Он сделался Павлом Смертушиновым ещё во чреве его матери, проникнув в дистрофического зародыша извилистой липкой вибрацией и выкинув из мяса человеческую душу. И тут же, заняв место души, Червь превратил формирующееся человечкино сознание в закоулки потустороннего хаоса.

Когда Павел подрос, то отчётливо стал понимать: он – ЧЕРВЬ. Он – ИНОЙ. Обладатель беспредельной духовной власти над видимым и невидимым. На третьем году жизни силой одной крохотной пакостной мыслишки Смертушинов заставил свою семилетнюю сестру взять маникюрные ножницы и воткнуть себе в тощее горло. Умереть сестра не умерла, но крепко повредилась рассудком. Всякий раз, увидев маникюрные ножницы, она начинала биться в инфернальной истерике.

Павлу, как и овладевшему им Червю, понравилось тянуть жизнь из людей. Червю было легко и приятно под серенькой маской Смертушинова – как материальный носитель червиной сущности, Павел оказался весьма удачной фигурой. Сын заурядного партийного работника средней руки и учитель-

ницы русского языка, он своим сверхразумом с детства пристально внимал бессмыслице и маразму человеческого бытия. А поскольку Червь-Павел сам был бессмыслицей и маразмом, то в мире людей, особенно в ядовитом мирке партработников и учительниц, виделась ему законная цель и добыча. Как Червь, он не отдавал себе детального отчёта в разнообразии поглощаемых человеческих личностей, но как Павел стал внимательнее относиться к жертвам. Иногда, для пополнения поглотительных нюансов, он мог даже как-то посочувствовать человечку. Например, помочь с исполнением заветной мечты: машину там в лотерею выиграть, выгодный брак обустроить или по служебной лестнице взобраться на пару ступенек. Счастливых ведь пожирать намного приятнее, чем обиженных судьбой. Счастливые сочатся зловонненьким довольством тупого разложения, смачной астральной тухлятинкой, которая делает их такими мягонькими и такими безобразно аппетитными.

Так вёл Смертушинов своё запредельное существовование, граничащее со сверхбытием древних прожорливых титанов, уничтожавших некогда миры. Но, в отличие от титанов, одержимых изначальным надматериальным безумием, Червь-Павел всегда обращался к ледяному расчёту разумного хаоса. Того хаоса, что правит убийственными силами, создающими и поглощающими вселенные не ради безумия, а ради игры.

Маленький чёрный домик за скотобойнями, затерявший-

ся среди ржавых помойных пустырей, втянул в себя странное багровое облако. Через какое-то время домик недолго помигал предутренней темноте мелкой желтизной окошечек. И темнота, повинуясь этому скромному сигналу, начала быстро растворяться. Завопили проснувшиеся птицы. Быстро-быстро расползлись по норам задержавшиеся ночные тени. Опять наступило то, что люди называют утром.

Заторможенные щупальца хилодушного солнца нехотя набросали на спящем лице Жудова утреннюю маску. Это тёпленькое пакостное прикосновеньице пробудило Колю. Будущие фельдшера тоже пробуждались и выбирались из кроватей. Нехорошо мучимые пивным похмельем и осознанием наступления нового дня, соседи плавали по комнате тёмными фантомами, оглашая жёлтые стены матом и отрыжкой. Кислые запахи и не менее кислые предчувствия чего-то значимого заставили Жудова встать и быстро одеться.

В туалете кого-то надсадно рвало и колотило, поэтому пописать Коля решил на улице, в палисадничке.

Несмотря на ранний час, было жарко, как в забытом на подоконнике пустом грязном аквариуме. В воздухе стоял сухой запах осыпающейся штукатурки. Мёртвый утренний свет застыл в кронах деревьев и на жёлтых стенах общежития. Навязчивое чириканье воробьёв пробудило в Коле тревожные мысли о завтраке. Завтракать было нечем.

Сжимая кулаками воздух в пустых карманах, Жудов по-

брёл к Смертушинову. «Хорошо, согласен я. Пусть будет половина. Ну и что? С половиной пустоты тоже, небось, неплохо. С самого детства ничего у меня не было, а тут вдруг целая половина пустоты. И Смертушинова можно понять – он ведь не Христос, не обязан даром других учить, как можно пустотой питаться…»

Жудов плохо представлял, что такое пустота. Ему чудилось нечто большое, упругое, тёмное, соблазнительно блестящее, лакомое, похожее на гигантский кусок кровавого вишнёвого желе. От этого образа текли слюнки и сладострастно сосало под ложечкой. Скорей бы… Ах, скорей бы добыть эту восхитительную вкусную пустоту… Может, ей и не наешься никогда по-настоящему, но всё равно приятно! А может, и вообще пустота эта – единственное, что есть настоящего, потому что она вечна и не изменяется. Хотя, как же не изменяется? Если Смертушинов заберёт себе половину, она ведь тогда уменьшится… Или не уменьшится?

Павел ждал Жудова. Маленький вонючий подвал чёрного домика злобно светился стеклянным огнём древней керосиновой лампы. Смертушинов торжественно плавал среди керосинового света, раскладывая на полу, в центре подвала, таинственные предметы из большого шёлкового мешка. Крысы настороженно наблюдали за происходящим из мрака. Красные глаза судорожно мерцали в подвальной прохладе, будто адские маячки.

По углам изображённого на полу квадрата Смертушинов

разместил четыре замечательных предмета: череп девственницы, убитой на Пасху собственным отцом, ломкий веночек из древних лютиков, сорванных с могилы ведьмы, сморщенное сердце самоубийцы, сваренное в девяти водах и высушенное на девяти огнях, и кусок челюсти зверя-оборотня – дух разрушения всё ещё жил в обломках белых зубов.

В центре квадрата водрузил Павел большой кристалл чёрного хрусталя на ажурной серебряной подставке. Взятый с места гибели Глара, хрусталь хранил частицу подлинной божественной силы. Через сей артефакт мог Червь общаться со своим ушедшим в тёмное инобытие древним отцом, сообщаться с духовной сутью великих инфернальных миров…

До Смертушинова Коля добрался только к полудню. Два раза его чуть не сбили машины. Сытые, самоуверенные люди за рулями не видели никого и ничего. Радостный золотой жирок стекал с тонированных стёкол. Тучный призрак благополучия маячил на сияющих солнечных капотах, загораживая собой от водителей весь мир.

Колин желудок слабенько ныл, напоминая о пустоте. Питаться пустотой желудок Жудова, в принципе, умел уже давно, но всё-таки иногда хотел и более осязаемой пищи – наподобие докторской колбасы или пельменей. «Ничего, – размышлял Коля, уворачиваясь от очередной сверкающей иномарки, – вот научусь у Смертушинова владеть пустотой, и ничего-то мне не надо будет. Пустота даст мне всё…».

Со всех сторон нежно тренькали сотовые телефоны – они

были даже у существ низшего порядка: малолетних гопников и дегенератов, пасущихся возле пивных ларьков. Казалось, улицы превратились в какие-то несуразные разноголосые музыкальные шкатулки. А у Коли сотового телефона не было.

Навстречу шли какие-то люди, но Коля не понимал, зачем они нужны и куда идут. В лицах людей мельтешила какая-то нездоровая, низменная иррациональность. Улицы и дома были понятнее. Они жили прямой и честной жизнью, пронзающей время, будто брошенное кем-то копьё. С людьми, казалось, дома и улицы имели мало общего. Текущий по каменному руслу города мировой поток не считался с людьми. Он сминал их жалкие формы и утаскивал прочь. Бетон, кирпич, дерево, сталь, асфальт упрямее держались за свои места. Они были прочнее бегающего мяса. А сила сопротивления мяса была ничтожной. Вся человеческа борьба за место во вселенной изливалась пустыми и жалкими воплями, которые ничего не могли изменить.

«Вот она, великая гармония, – умильно думал Жудов. – Идёшь себе по улице, никого не трогаешь, и вдруг – нож тебе под ребро. И всё по справедливости, всё по совести. Так и должно быть. Великий закон вселенского равноправия: каждый имеет право убить или быть убитым. И как это раньше я не понимал…» От осознания простоты мировой гармонии Коля растрогался и заплакал.

– Братуха, дай десять рублей! Позарез надо! —Заплыв-

шая серо-синяя морда перегородила тротуар.

Коля вытащил из кармана огрызок карандаша и неспеша воткнул морде в налитый кровью выпученный глаз. Морда с матерным воем убежала в ближайшую подворотню.

– Всё правильно и справедливо. Так и должно быть, – произнёс вслух Жудов, облизывая карандаш.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.